

Бешеный ветер кружил в вышине, сгущаясь в тяжелые свинцовые тучи, отчего на душе становилось смутно и тревожно.

Секта Чиян была выстроена прямо на склонах гор, в самом сердце их неприступного кольца, а Облачная терраса являлась здесь самой высокой точкой.

Поздняя осень уже почти вступила в свои права. Большая часть ярко-алых кленовых листьев на террасе опала, а уцелевшие покрылись тонкой коркой инея, отчего их и без того тусклый цвет казался еще более блеклым и безжизненным.

Впрочем, место это никогда не отличалось особой примечательностью. Нынешний глава секты, Лоу Цзиньюй, слыл человеком холодным и бесчувственным; он не любил праздных прогулок и почти никогда не поднимался на Облачную террасу — до тех пор, пока там не появилось надгробие.

Лоу Цзиньюй не стал использовать технику легкого шага. Он поднимался шаг за шагом, и подол его дорогого черного халата, расшитого сложными золотыми узорами, подметал щербатые ступени. Лишь преодолев последнюю из них, он замедлил ход.

Увидев на могильной плите два иероглифа — Шии, он прикрыл глаза. Его рука, обычно твердо сжимавшая рукоять меча, в широком рукаве заметно дрогнула. Это имя он высек на камне собственноручно.

Строго говоря, это было вовсе не имя, а лишь порядковый номер, но именно он все эти годы не давал ему покоя, терзая сердце.

Инь Шии скончался в такой же безрадостный осенний день.

Когда этот человек испустил дух у него на руках, Лоу Цзиньюй не испытал той тяжелой, гнетущей скорби, что терзала его теперь. Тогда в его спокойное, как озерная гладь, сердце словно упал камешек — он лишь почувствовал легкую рябь, которая быстро улеглась, вернув всё на круги своя.

Прошедшие годы доказали, как сильно он заблуждался. Только теперь он понял, что даже такой холодный и равнодушный человек, как он сам, способен так тосковать по кому-то, с годами превращая эту тоску в безумие.

Лоу Цзиньюй наклонился и провел ладонью по могильной плите. Холодный, безмолвный камень напомнил ему об Инь Шии — такой же ледяной, молчаливый и сдержанный. Кто бы мог подумать, что у человека, подобного камню, внутри скрывалось столь искреннее и пламенное сердце.

Когда-то он выбросил Инь Шии, как ненужную вещь.

Секта Чиян, балансирующая на грани добра и зла, существовала в стороне от мирской суеты. Будучи главой секты, Лоу Цзиньюй не признавал над собой никаких правил. Он жил дерзко и вольно, держа всё в своих руках. Того же он требовал и от своих Теневых стражей: строжайшей дисциплины и ледяного безразличия. Для него они были лишь клинками, которыми он пользовался по своему усмотрению.

Если клинок затупился — его просто меняли на новый.

Одним словом Лоу Цзиньюй решил судьбу стража, но никто не ожидал, что в конечном итоге спасителем, вырвавшим его из лап смерти, станет именно тот, кого он отринул.

В то время Лоу Цзиньюй уже достиг вершин мастерства и никто не смел переходить ему дорогу, но в минуту редкой беспечности он попал в ловушку, расставленную своими же. Клан Цзи, имевший с ним общие корни, объединился с Яо Мо, мастером всех ядов в Поднебесной, и нанес ему сокрушительный удар.

Именно Инь Шии, изгнанный им лично, пробился к нему сквозь кровавое месиво и вывел из заточения.

То были самые унижительные дни в его жизни. По пятам шли убийцы из клана Цзи, жаждавшие вырвать его с корнем, и было неизвестно, ждет ли его подмога от своих.

Лишь Инь Шии, не щадя себя, оберегал его. Он увел его в густой лес Нанью, чтобы скрыться от погони, и усердно заботился о нем. Даже в таких обстоятельствах он продолжал видеть в нем великого главу секты, не знающего пятен. В одиночку он перебил всех псов клана Цзи, защищая своего господина, чье состояние было крайне тяжелым из-за последствий отравления и внутренней нестабильности.

Инь Шии охранял его на всем пути, и лишь когда люди из секты Чиян наконец нашли Лоу Цзиньюя, он позволил себе упасть, обессиленный.

Оказалось, что он получил тяжелые ранения еще в начале пути, но, беспокоясь за господина, держался из последних сил. Увидев подмогу, он наконец смог выдохнуть.

Но стоило этому напряжению отпустить, как жизнь начала стремительно покидать его тело.

Когда верные последователи взяли защиту на себя, внутренние силы Лоу Цзиньюя наконец стабилизировались.

Обернувшись, он увидел лежащего на земле Инь Шии и содрогнулся от ужаса. Он подхватил его, но лекарь секты лишь покачал головой — спасти его было уже невозможно.

— Господин... ваш слуга... — лицо Инь Шии было мертвенно-бледным, но черные глаза

оставались ясными. В предсмертный миг он перестал скрывать свои чувства. В его взгляде читалась такая обжигающая преданность и тоска, что сердце невольно сжималось. — Господин...

Слова давались ему с трудом, каждый слог был словно пропитан кровью.

Он до последнего соблюдал границы между господином и слугой, но сейчас в его глазах пылал огонь — невероятно яркий на фоне его утасяющей жизни. Его бледные губы дрогнули, и последнее, что он произнес, было:

— Господин, ваш слуга действительно очень любит вас. Надеюсь, в будущем вы будете в безопасности и благополучии. Пожалуйста, берегите себя...

Вся его жизнь, полная тоски, уместилась в эти слова.

Лоу Цзиньюй смотрел, как его человек из последних сил осмелился поднять руку, но в итоге лишь робко сжал край его халата, словно испуганный зверь, боящийся вызвать гнев хозяина.

Пальцы разжались, и рука, покрытая шрамами, безвольно упала. Человек в его объятиях закрыл глаза, перестав дышать.

Лоу Цзиньюй, всегда смотревший на мир свысока и не знавший сердечных привязанностей, в тот момент не понимал, что творится у него внутри. Он лишь чувствовал горечь и пустоту, словно что-то незримое навсегда покинуло его вместе с этим человеком.

Когда этот кошмарный побег закончился, Лоу Цзиньюй поднял тело Инь Шии. Его лицо было холодным, как лед.

Он вернулся в клан Цзи, сметая всех на своем пути, и перебил врагов, не вспомнив ни о каких родственных узах. Хотя подобную работу обычно выполняли слуги, он сам взялся за меч. Его черный халат пропитался кровью, и он казался настоящим демоном-асурой.

Вернувшись в секту Чиян, он похоронил Инь Шии на Облачной террасе, вспомнив, как во время их скитаний в лесу тот обещал вечно оберегать своего господина.

С Облачной террасы была видна вся секта Чиян. Где бы ни находился Лоу Цзиньюй, он всегда был в поле зрения этого места. Наверное, Инь Шии был бы доволен.

Месяц бегства, который должен был стать позорным пятном в жизни Лоу Цзиньюя, превратился в воспоминание, к которому он возвращался снова и снова. Он вдруг осознал, что его тоска по этому человеку становится все глубже.

Он помнил, как Инь Шии появился в клане Цзи, чтобы спасти его; помнил его фигуру в черном, заслоняющую его от врагов; помнил, как тот караулил у костра, пока он спал; помнил, как он опускался перед ним на колени, поднося еду; и помнил ту невыразимую нежность и тоску в его глазах перед смертью...

Человека больше нет, но чувства, сплетаясь в тугой узел, превратили жизнь того, кто остался, в бушующий океан.

Впервые в жизни Лоу Цзиньюй познал истинное раскаяние. Он жалел, что выбросил Инь Шии, жалел, что во время бегства продолжал держать маску высокомерного господина, жалел, что не подарил ему ни одной улыбки, ни одного ласкового слова. Все это обернулось невыносимой тоской.

Он познал любовь, но Инь Шии уже покоился в сырой земле.

Сердце Лоу Цзиньюя сжалось, и он любовно провел пальцами по рукояти кинжала на поясе. Это была вещь, оставшаяся от Инь Шии. Все эти годы он носил его при себе, словно так мог почувствовать хоть какой-то след его присутствия.

Теневые стражи, следовавшие за ним, молчали. Их лица были бесстрастны, словно высечены из одного куска камня.

Только Цзян Янь, глава Павильона Тьмы, выглядел чуть более живым. Глядя на господина, вновь склонившегося над могилой, он не мог скрыть недоумения.

Инь Шии действительно был отличным клинком. Цзян Янь подготовил бесчисленное множество стражей в Павильоне Тьмы, но такой стойкости и мастерства, как у Инь Шии, не встречал давно. Когда тот впал в немилость, Цзян Янь лишь вздохнул, но кто бы мог подумать, что именно он появится в час беды и целый месяц будет ценой своей жизни защищать господина. Его преданность была бесспорна.

Но в секте Чиян было немало тех, кто готов был отдать жизнь за своего главу.

Инь Шии погиб, выполнив свой долг, но почему-то именно он удостоился такой милости: господин лично приказал похоронить его здесь и запретил кому-либо еще носить имя Шии.

Как бы ни ломал голову Цзян Янь, он не смел задать ни единого вопроса.

После смерти Инь Шии давление со стороны господина только усилилось. Он стал нелюдим, суров и непредсказуем. Как подчиненные, они прекрасно знали, о чем стоит молчать.

Лоу Цзиньюй провел у надгробия полдня. Уходя, он коснулся высеченного имени, и его губы тронула редкая, нежная улыбка:

— Шии, завтра я приду снова.

<http://bllate.org/book/22235/2322304>